

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3

2023

*Священник Владислав Баган, Д. В. Волужков, П. И. Гайденко, А. Ю. Митрофанов,
Ю. В. Оспенников, Н. А. Тарнакин, А. А. Хохлов, И. А. Шершинева-Цитильская*

Принципы состязательности и обвинительности в церковном судопроизводстве: сочетание элементов, тенденции, перспективы

УДК [061.22(470.23-25)+27-74:348](049.3)
DOI 10.47132/1814-5574_2023_3_147
EDN HFRLHF

Аннотация: В статье изложена в сокращении дискуссия круглого стола «Принципы состязательности и обвинительности в церковном судопроизводстве: сочетание элементов, тенденции, перспективы», который был организован Обществом изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви («Барсовское общество»). Полностью представлены установочные тезисы модератора — Ю. В. Оспенникова, затем — изложение хода последовавшей дискуссии участников круглого стола, во время которой было отмечено, что принцип иерархии, существующий в Русской Православной Церкви, неизбежно влечет за собой обвинительный характер судебного процесса. Основной акцент участники обсуждения сделали на таких важнейших для состязательности аспектах, как выборность судей церковных судов, презумпция невиновности, наличие сторон обвинения и защиты, их профессиональная подготовка. В ходе дискуссии были обсуждены проблемы сатисфакции и определения функции церковного суда в церковном праве, а также поднят вопрос о возможности замены института церковного суда институтом духовнических практик. В то же время не было выдвинуто альтернативных трактовок определений принципов состязательности и обвинительности.

Ключевые слова: Барсовское общество, церковное право, церковный суд, принципы права, состязательность, обвинительность, презумпция невиновности, Т. В. Барсов, защита в суде.

Об авторах: **Священник Владислав Владимирович Баган**

Кандидат богословия, кандидат юридических наук, доцент кафедры богословских и церковно-исторических дисциплин Смоленской православной духовной семинарии.

E-mail: baganvlad@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8092-9965>

Дмитрий Владимирович Волужков

Секретарь Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви («Барсовское общество»), директор Издательства СПбДА.

E-mail: izdatspbda@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6852-7517>

Павел Иванович Гайденко

Доктор исторических наук, профессор кафедры исторических наук и архивоведения Московского государственного лингвистического университета, председатель редакционной коллегии

журнала «Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях», действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви («Барсовское общество»).

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2104-362X>

Андрей Юрьевич Митрофанов

Доктор исторических наук, доктор истории, искусств и археологии Лувенского Католического Университета, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии, действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви («Барсовское общество»).

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

Юрий Владимирович Оспенников

Кандидат исторических наук, доктор юридических наук, независимый исследователь (Самара), действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви («Барсовское общество»).

E-mail: desmandado@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6092-588X>

Николай Александрович Тарнакин

Магистр теологии, аспирант Санкт-Петербургской духовной академии, помощник директора Издательства СПбДА.

E-mail: tarnakin.n.a@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9218-346X>

Александр Анатольевич Хохлов

Кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнографии Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений ФГОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», заместитель декана по научной деятельности, действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви («Барсовское общество»).

E-mail: kazan_molodezh@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2920-0287>

Ирина Александровна Шершнева-Цитильская

Кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доцент кафедры правоведения и практической юриспруденции Института общественных наук РАНХиГС.

E-mail: iracitilskaya72@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2417-1130>

Для цитирования: Баган В., свящ., Волужков Д. В., Гайдено П. И., Митрофанов А. Ю., Оспенников Ю. В., Тарнакин Н. А., Хохлов А. А., Шершнева-Цитильская И. А. Принципы состязательности и обвинительности в церковном судопроизводстве: сочетание элементов, тенденции, перспективы // Христианское чтение. 2023. № 3. С. 147–171.

Статья поступила в редакцию 03.07.2023; одобрена после рецензирования 10.07.2023; принята к публикации 13.07.2023.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2023

*Priest Vladislav Bagan, D. V. Voluzhkov, P. I. Gaidenko, A. Yu. Mitrofanov,
Yu. V. Ospennikov, N. A. Tarnakin, A. A. Khokhlov, I. A. Shershneva-Tsitulskaya*

Principles of Adversarial System and Accusatory System in Church Proceedings: Combination of Elements, Trends, Perspectives

UDK [061.22(470.23-25)+27-74:348](049.3)
DOI 10.47132/1814-5574_2023_3_147
EDN HFRLHF

Abstract: In the article is presented the shortened transcript of the round table “Principles of Adversarial System and Accusatory System in Church Proceedings: Combination of Elements, Trends, Perspectives”, which was organized by the T. V. Barsov Society for the Study of Church Law (“Barsov Society”) of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church. Full presentation of the moderator’s (Y. V. Ospennikov) set of theses was given, followed by the presentation of the discussion participants of the round table, during which it was noted that the principle of hierarchy existing in the Russian Orthodox Church, makes the accusatory nature of the judicial process inevitable. The discussion focused on the crucial aspects of the competition, such as the election of ecclesiastical judges, the presumption of innocence, the presence of prosecution and defence parties and their professional training. During the discussion, the problems of satisfaction and the determination of the function of the ecclesiastical court in church law were discussed, and the question of the possibility of replacing the institution of the ecclesiastical court with the institution of practices involving dukhovnik (spiritual director) was raised. However, there were no alternative interpretations of the adversarial and accusatory system definitions.

Keywords: Barsov Society, ecclesiastical law, ecclesiastical court, principles of law, adversarial system, accusatory system, presumption of innocence, T. V. Barsov, legal defence.

About the authors: Priest Vladislav Vladimirovich Bagan

Ph.D. in Theology, Ph.D. in Law, Associate Professor at the Department of Theological and Church Historical Disciplines of Smolensk Orthodox Theological Seminary.

E-mail: baganvlad@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8092-9965>

Dmitry Vladimirovich Voluzhkov

Secretary of the Society for the Study of Church Law named in honor of T. V. Barsov (“Barsov Society”) of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church. Director of Publishing House of St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: izdatspbda@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6852-7517>

Pavel Ivanovich Gaidenko

Doctor of Historical Sciences, Professor at Moscow State Linguistic University; Member of the Editorial Board of the Journal “Palaeosia. Ancient Russia: time, personalities, ideas”; Full member of the

T. V. Barsov Society for the Study of Church Law (“Barsov Society”) of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2104-362X>

Andrey Yurievich Mitrofanov

Doctor of Historical Sciences, Doctor of History, Archeology and Arts at the Louvain Catholic University, Researcher at the St. Petersburg Theological Academy; full member of the T.V. Barsov Society for the Study of Church Law (“Barsov Society”) of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

Yuri Vladimirovich Ospennikov

Candidate of Historical Sciences, Doctor of Laws, independent researcher, full member of the T.V. Barsov Society for the Study of Church Law of the St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church (Barsov Society).

E-mail: desmandado@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6092-588X>

Nikolay Alexandrovich Tarnakin

MA in Theology, postgraduate student at St. Petersburg Theological Academy, Assistant Director at Publishing House of St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: tarnakin.n.a@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9218-346X>

Alexander Anatolyevich Khokhlov

Ph. D. in History, Associate Professor at the Department of Anthropology and Ethnography of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations of Kazan Federal University, Full Member of the T.V. Barsov Society for the Study of Church Law (“Barsov Society”) of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: kazan_molodezh@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2920-0287>

Irina Aleksandrovna Shershneva-Tsitulskaya

Ph.D. in Law, Associate Professor; Associate Professor at the Department of Theory of Law and Practical Jurisprudence of the Institute of Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: iracitulskaya72@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2417-1130>

For citation: Bagan V., priest, Voluzhkov D. V., Gaidenko P. I., Mitrofanov A. Yu., Ospennikov Yu. V., Tarnakin N. A., Khokhlov A. A., Shershneva-Tsitulskaya I. A. Principles of Adversarial System and Accusatory System in Church Proceedings: Combination of Elements, Trends, Perspectives. *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 3, pp. 147–171.

The article was submitted 03.07.2023; approved after reviewing 10.07.2023; accepted for publication 13.07.2023.

23 июня 2023 года в Санкт-Петербургской духовной академии в очно-дистанционном формате состоялся круглый стол «Принципы состязательности и обвинительности в церковном судопроизводстве: сочетание элементов, тенденции, перспективы». Мероприятие было организовано Обществом изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви (Барсовское общество). Организатором и модератором круглого стола выступил кандидат исторических наук, доктор юридических наук, действительный член Барсовского общества Юрий Владимирович Оспенников.

Также в работе круглого стола приняли участие:

— Алексей Викторович Ведяев — кандидат богословия, доцент, заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин, доцент Самарской духовной семинарии, действительный член Барсовского общества;

— Сергей Федорович Веремеев — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и специальных исторических дисциплин факультета истории и межкультурных коммуникаций Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины;

— Татьяна Анатольевна Долгополова — кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ «Российский государственный университет правосудия» (Санкт-Петербург);

— Александра Андреевна Дорская — доктор юридических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (Санкт-Петербург), действительный член Барсовского общества;

— Юлия Владимировна Ерохина — кандидат юридических наук, доцент департамента теории права и сравнительного правоведения, заместитель декана факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», действительный член Барсовского общества;

— Андрей Александрович Тарнакин — магистр теологии, выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, сотрудник Издательства СПбДА.

В соответствии с принятым Барсовским обществом правилом зачитывание доклада / докладов на круглом столе не предполагалось. За несколько дней до начала мероприятия его участникам были разосланы тезисы, подготовленные Ю. В. Оспенниковым. Ниже данные тезисы приводятся полностью.

Ю. В. Оспенников

Тезисы и возможные выводы

Настоящие тезисы являются результатом систематизации того фактического и аналитического материала, который был представлен в работах уважаемых коллег. Я старался следовать логике накопленного материала, что привело к постановке ряда проблемных вопросов. Прежде всего это некоторые методологические аспекты, которые я призываю учитывать в рамках нашей беседы на круглом столе.

Принципы есть лишь форма для содержания (общественных отношений)

Тема данного круглого стола затрагивает два принципа. В связи с этим первый же аспект, который необходимо обозначить, — это то, что конкретные принципы сами по себе не могут быть хорошими или плохими, лучше или хуже друг друга, не могут

обеспечивать изменение качества судебного процесса. Такая иллюзия существует в юридической литературе, но она была неоднократно опровергнута в сравнительно-исторических исследованиях, на основе рассмотрения конкретного фактического материала. Например, П. Л. Полянским было аргументированно показано, как в пореформенной Российской империи провозглашение и применение принципов формального равенства и состязательности приводило к парадоксальному результату: суд не стремился установить объективную истину, поскольку имущественное неравенство, т.е. материальные основания, закономерно приводили к тому, что «богатый торжествует над бедным, сильный над слабым» [Полянский, 2018, 60]. Иными словами, принципы являются всего лишь *формой* для содержания (общественных отношений), без изменения общественных отношений любые изменения формы не дадут никакого ощутимого результата.

Далее тот же исследователь показывает другой период, когда к власти пришла партия большевиков, выражавшая «интересы промышленного пролетариата, беднейшего крестьянства и прочего наемного элемента („трудящихся“), лишенного средств производства» [Полянский, 2018, 60]. Соответственно, и суд поменял свое содержание, превратившись в орудие защиты интересов уже других общественных групп. На раннем этапе своего становления советское право не предполагало принцип формального равенства, в отличие от пореформенной России, однако именно в это время суд стал действительно справедливым, защищая интересы абсолютного большинства населения, т.е. приблизился к действительному осуществлению принципа равенства [Полянский, 2018, 58–61].

Таким образом, говоря о принципах, необходимо иметь в виду, что мы говорим о формах, которые могут различным образом использоваться в зависимости от содержания, т.е. существующих общественных отношений.

Состязательный процесс уступает место обвинительному: исключение существенных признаков

Современное понимание принципа состязательности, которое встречается в учебной и даже в исследовательской литературе, на мой взгляд, далеко от адекватного отражения той части объективной реальности, которую должна описывать эта терминологическая конструкция. Указанное понимание кратко можно сформулировать как отделение обвинения от суда, при этом обвинение и защита равноправны и оспаривают утверждения противоположной стороны. Акцент при этом нередко переносится на сам процесс взаимного оспаривания, «состязания» сторон.

Чтобы пояснить свою мысль, я предлагаю обратиться к ранней стадии становления состязательного процесса, которая прослеживается у самых разных народов на этапе перехода от первобытнообщинных отношений к классовому обществу (это и древнеримский легисакционный процесс, и древнерусский процесс периода составления Русской Правды, и др.).

Для примера возьмем римский легисакционный процесс, когда принцип состязательности был выражен в максимальной степени. На этой стадии эволюции римского процесса можно выделить его следующие характерные черты, наличие которых делает возможным реализацию состязательности:

- обе стороны именуется и являются истцами, т.е. находятся в действительно равном положении, недостижимом при выделении позиций обвиняющего и защищающегося в уголовном процессе или даже истца и ответчика в гражданском;

- процессуальные действия происходят не только на виду у всего общества, но и при активном участии других членов общины (судья из членов общины, активное участие соседей и «свидетелей доброй славы», активное участие зрителей). Таким образом, принципы гласности и публичности неразрывно связаны с состязательным процессом, являются его характерными чертами;

- судья избирается из числа сограждан обеими сторонами, соглашающимися на посредничество конкретного члена общины;

— формализованность (ритуализированный, местами театрализованный характер действий участников), связанная с необходимостью передачи из поколения в поколение алгоритма судебного разбирательства, — своеобразный устный формуляр, наглядное действие правовой традиции. Это вынужденная черта, зависящая от развития технических средств, а потому очевидно носящая преходящий характер;

— также преходящий характер имеет устный характер судебного разбирательства.

По мере становления государства и усиления его претензий на монопольное осуществление судебной власти состязательный процесс уступает место обвинительному. При этом гораздо более важным, на мой взгляд, является не приобретение судом обвинительной функции (это далеко не во всех делах имело место), а постепенное вытеснение отдельных элементов состязательного процесса, отмеченных выше. Именно через эти элементы мы можем попробовать выявить различия принципа состязательности и противостоящего ему принципа обвинительности (еще раз — не по причине особой роли суда, а в силу изменения отношений сторон, где появляется защищающаяся сторона).

Что же касается изменения самого суда, то этот процесс достаточно хорошо описан в исторической литературе: суд не эволюционирует сам по себе, это всегда следствие изменений в обществе в целом. По мере становления классового общества и государства суд неизбежно приобретал характер инструмента подавления, а принцип состязательности вытеснялся обвинительным началом.

Постепенное вытеснение элементов состязательного процесса было выражено в изменении его *формальных* (устный характер, формализованность), а затем и *содержательных* признаков (выборность судьи, публичность, гласность):

— вместо двух истцов теперь в процессе принимают участие истец и ответчик, что сразу же нарушает баланс: защищающаяся сторона изначально находится в уязвимом положении;

— судья теперь является представителем государственной власти, судебным чиновником;

— осуществление суда переносится с открытого форума в специальное закрытое помещение, а список участников строго регламентируется.

Таким образом, я предлагаю расширить подход к пониманию принципов состязательности и обвинительности на основе указанных выше содержательных признаков, которые являются *существенными* для состязательного процесса и, напротив, исключены при преобладании обвинительности.

В чьих интересах функционирует церковный суд?

Другой аспект рассматриваемой проблемы, на который я хотел бы обратить внимание, связан с категорией эффективности, т. е. достижения целей. В данном случае — эффективности судопроизводства. Вопрос эффективности невозможно ставить и решать сам по себе — это чисто идеалистический подход, который нас не приведет к какому-либо результату. Говоря об эффективности, неизбежно придется ставить вопрос о том, в чьих интересах предполагается эта эффективность. Например, современная жизнь дает многочисленные примеры коммерческих и некоммерческих организаций, которые с точки зрения общества неэффективны, но для конкретных собственников или других выгодоприобретателей являются весьма эффективно действующими структурами.

Точно такая же ситуация и с судом — он существует не в вакууме, а в обществе, защищая интересы вполне конкретных общественных групп. Церковный суд тоже включен в систему регулирования общественных отношений. И здесь возникает важный вопрос о неоднородности Церкви, к решению которого существуют разные подходы. Если принять во внимание объективные материальные отношения, то мы увидим неоднородность церковного общества, разные группы которого имеют свои интересы, в некоторых случаях противоположно направленные. Даже в первом

приближении можно выделить такие группы, как епископат, монастырские общины, приходское духовенство, прихожане... И в сфере церковного суда интересы этих групп могут не совпадать или даже вступать в конфликт.

В действующем Положении о церковном суде от 2008 г. этот вопрос отодвинут формулировкой ст. 2 о предназначении церковных судов: «Церковные суды предназначены для восстановления нарушенного порядка и строя церковной жизни и призваны способствовать соблюдению священных канонов и иных установлений Православной Церкви» [Положение о церковном суде]. Как и любая другая власть в социуме, церковный суд не может находиться вне системы сложных и противоречивых интересов разных общественных групп (в данном случае — групп церковного сообщества), поэтому данная формулировка очевидно является лукавством, скрывая разрешение вопроса о предназначении церковного суда в контексте существующих общественных отношений. Поэтому исследователю, конечно, останавливаться на официальной, «легальной» трактовке функции церковного суда невозможно. Схожим образом остался скрытым вопрос общественной функции церковного суда в тексте присяги церковного судьи, где речь идет о «благе» Русской Православной Церкви вообще, что предполагает ее однородную структуру [Положение о церковном суде].

Таким образом, если церковное право претендует на статус науки, оно должно будет решать и этот вопрос — в чьих интересах функционирует церковный суд в данных конкретно-исторических обстоятельствах. Насколько интересы разных групп церковного сообщества защищаются судом формально и фактически? Еще раз хочу отметить, что вряд ли в рамках круглого стола этот вопрос уместно решать, но иметь его в виду, высказываясь о функционировании церковного суда, необходимо, поскольку это как раз то самое материальное наполнение форм, в т. ч. принципов состязательности и обвинительности, о котором шла речь в первом пункте.

Принципы состязательности и обвинительности и их существенные элементы в современном церковном суде

Относительно действующего Положения о церковном суде и существующей практики церковных судов хочу напомнить некоторые работы и выводы участников мероприятий Барсовского общества.

Н. А. Тарнакиным была обоснована позиция, что в современном церковном суде не применяется принцип состязательности (в контексте существенных элементов также автор указывал на отсутствие гласности, равенства и независимости судей) [Тарнакин Н., 2019].

Большинство участников круглого стола 23 июня 2022 г. согласились с мнением о преобладающем обвинительном характере церковного суда (признав наличие элементов состязательности), указав на отсутствие публичности и гласности [Принципы права и церковный суд: проблемные поля, 2022]. Очевидно, что неопределенный тезис о присутствии *неких элементов* состязательности в рамках нынешнего круглого стола должен быть конкретизирован.

Т. А. Долгополова высказала мнение о необходимости нормативного закрепления принципа состязательности [Долгополова, 2022]. При этом она отметила возможную угрозу основам вероучения при попытке внедрения принципа состязательности в деятельность церковного суда, которая может быть снята посредством богословского заключения.

Элементы состязательности и обвинительности в Положении о церковном суде

Предлагаю краткий обзор элементов состязательности и обвинительности, выявленных в тексте Положения о церковном суде.

Действующее Положение дает нам следующее состояние существенных элементов состязательности:

— определение судьи по соглашению сторон или его выборность отсутствуют (полнота судебной власти в епархиях принадлежит правящим архиереям, которые осуществляют суд либо единолично, либо через епархиальный суд, которому делегируют свою «каноническую власть» (ст. 3, 23, 25 и др.); кандидатура судьи не может быть отклонена сторонами (ст. 8);

— публичность отсутствует (вытекает, в частности, из предыдущего пункта);

— гласность отсутствует, закрытый характер рассмотрения дел (ст. 5);

— круг участников строго регламентирован (ст. 10, 39);

— определение сторон указывает на обвинительный характер (ст. 10): «В качестве сторон... выступают заявитель (при наличии заявления о церковном правонарушении) и лицо, обвиняемое в совершении церковного правонарушения (далее — обвиняемое лицо)».

Выраженный спорный характер в контексте темы круглого стола имеет содержание следующих статей Положения.

Так, церковный суд начинает дело либо на основании заявления о церковном правонарушении (от члена или канонического подразделения Церкви — ст. 34), либо по собственной инициативе на основании имеющейся информации о церковном правонарушении (ст. 33). Два способа возбуждения дела можно отнести соответственно к состязательному и обвинительному началу, но наличие обвинительного элемента перевешивает, поэтому в целом эта норма, на мой взгляд, указывает на обвинительный характер суда.

Далее следуют элементы, которые я не отнес к существенным признакам, но которые другими исследователями могут рассматриваться в качестве признаков состязательности.

Ст. 13 дает основания полагать, что значительную часть доказательств стороны собирают сами и предоставляют в суд, что может рассматриваться как элемент состязательности. Впрочем, также это может быть свидетельством неразвитости церковного судопроизводства, так что суд вынужден полагаться на ограниченную доказательную базу, в сравнении со светским судом, который может опираться на доказательства, собранные специальными службами.

При этом следует иметь в виду и ст. 38, согласно которой значительная часть подготовительной работы осуществляется аппаратом церковного суда, в т.ч. «сбор необходимых доказательств».

Разбору этой части Положения был посвящен доклад А. А. Тарнакина, который специально изучал вопрос о реализации принципа гласности в современном церковном суде на примере одной из епархий.

В указанном докладе есть несколько интересных выводов, имеющих отношение к теме нашего круглого стола. Автор:

1) справедливо обращает внимание на расплывчатость понятия «аппарат»;

2) подчеркивает, что в церковном суде «справка, содержащая канонический анализ», не получая никакой оценки и контроля, сразу же ложится на стол церковным судьям;

3) отмечает, что обвиняемый в церковном правонарушении до начала заседания может не представлять, что именно ему вменяют (вызов в суд, согласно Положению, не предписывает указание сведений о канонической оценке правонарушения и предлагаемом прещении) [Тарнакин А., 2021].

В результате А. А. Тарнакин приходит к выводу, что в церковном суде не просто отсутствует гласность, место этого принципа занимает т.н. канцелярская тайна — арханизм, от которого пытались избавиться уже в XIX в. Насколько уместно переносить данный термин на современные реалии — это отдельный вопрос, который, впрочем, можно также обсудить.

Показательно, что среди выводов А. А. Тарнакина есть предложение о необходимости введения принципа состязательности сторон, хотя в тексте доклада никак

не определяются основания для введения такого принципа и не поясняется, что должно дать введение состязательности. Это еще раз показывает, что даже в научных исследованиях состязательность нередко предстает в качестве условной фигуры речи, как положительно заряженный, но не получающий конкретного содержания термин.

Заключение

Таким образом, предлагаю коллегам для обсуждения следующие определения:

Принцип состязательности – принцип судебного процесса, предполагающий равенство сторон, что обеспечивается и выражается через наличие следующих черт: 1) обе стороны находятся в положении истцов; 2) судья избирается из числа сограждан обеими сторонами, соглашающимися на посредничество конкретного члена общины; 3) процессуальные действия происходят не только на виду у всего общества, но и при активном участии других членов общины (гласность и публичность).

Принцип обвинительности – принцип судебного процесса, который предполагает ограничение и исключение характерных черт, обеспечивавших равенство сторон (см. принцип состязательности).

* * *

Работа круглого стола сразу же началась с обсуждения тезисов Ю. В. Оспенникова в формате общей дискуссии¹.

П. И. Гайденок: Вынесенные Юрием Владимировичем для обсуждения тезисы как всегда свежи своей мыслью и привлекательны своей научной бескомпромиссностью. Именно это позволяет обратить внимание исследователей на некоторые очевидные моменты, которые не замечаются при первом взгляде, поскольку кажутся естественными, хотя в действительности должны вызывать недоумение.

Прежде всего это касается ст. 2 Положения о церковном суде²: «Церковные суды предназначены для восстановления нарушенного порядка и строя церковной жизни и призваны способствовать соблюдению священных канонов и иных установлений Православной Церкви». Поскольку Положение обладает не только внутрицерковным значением, но имеет и юридические последствия для всех участников церковного судопроизводства, формулировка данной статьи видится не только небезупречной, но и настораживающей.

Рассмотрим первую часть статьи: «Церковные суды предназначены для восстановления нарушенного порядка и строя церковной жизни». Однако что понимается под «порядком церковной жизни» и «строем церковной жизни»? Как быть в тех случаях, когда порядок и строй церковной жизни не соответствуют канонам, искажены или даже порочны, однако принимаются церковным сознанием в качестве нормы?..

Не менее примечательна и вторая часть данной статьи: церковные суды «призваны способствовать соблюдению священных канонов и иных установлений Православной Церкви». То есть суд действует не для обеспечения действия и защиты канонов и церковных установлений, а лишь способствует их соблюдению. Это, простите за резкость, звучит либо анекдотически, либо абсурдно. Впрочем, не исключены и оба варианта...

Важно – в данной формулировке разводятся требования канонов и реальный строй церковной жизни, что порождает внутреннее противоречие, граничащее не только с каноническим и правовым нигилизмом в юридическом и высоком каноническом

¹ Данный текст не является стенограммой круглого стола, но отредактированной записью хода дискуссии.

² Далее по тексту – Положение (см. подр.: [Положение о церковном суде]).

смыслах, но дающее основание для манипулирования нормами канонов для защиты интересов той стороны, которая будет защищать удобный и комфортный для конкретного лица строй церковной жизни. В итоге, Положение вмняет в обязанности суда не защиту «канонического строя Церкви и канонических основ ее жизни», а лишь защиту имеющегося в епархии церковного строя, который, как мы знаем, может быть ошибочным и даже порочным...

Особо хотелось бы обратить внимание на то, что в Положении никак не оговаривается вопрос об обеспечении норм гражданского законодательства в церковной жизни.

Таким образом, церковный суд не ставит своей целью выявление истины в том или ином деле, не стремится обеспечить каноничность и законность, не призван на защиту прав, чести и достоинства того, кто нуждается в понимании и защите (о евангельском милосердии здесь вообще не упоминается!), а преследует лишь сугубо прагматичные цели — обеспечение существующего церковного строя, который будет пониматься в меру догматических, канонических и нравственных представлений судьи, коим в епархии является прежде всего архиерей, и назначенные им лица.

Отдельная проблема — поспешность церковных судов, скорость заседаний которых нередко не уступает скорости принятия решений по ряду вопросов у мировых судей. А ведь при этом решается вопрос о будущем, в том числе надмирном, участников процесса! В Положении вопрос о времени, которое может быть потрачено на рассмотрение дела, никак не оговорен. Между тем в целом ряде случаев при принятии решения суду необходимо принимать во внимание не только канонические, но и богословские аспекты того или иного вопроса.

Далее. Положение никак не оговаривает формальные требования к судьям церковного суда. В данном случае вопрос в их компетентности и иных качествах, включая личные. Более того, при подготовке церковных канонистов присутствуют компетенции, призванные подготовить судей церковного суда?..

Хочу обратить особое внимание на то, что в суде над священнослужителями священники с точки зрения канонов не могут выступать судьями, данная норма и практика в нашей Церкви антиканонична, а делегирование архиереем прав суда богословски и канонически, в том числе историко-канонически, необоснованно. Полагаю, священники могут быть членами суда в качестве советников, но никак не в качестве лиц, ведущих судебное заседание или судебное следствие.

Что касается принципа состязательности, то соглашусь с Юрием Владимировичем, что состязательность в судебном процессе — это не панацея от судебной ошибки. Всё намного сложнее... При этом очевидно, что современный церковный суд имеет обвинительный характер. Это ставит судебный процесс в заведомо «обреченный» характер в отношении подсудимого. Примечательно, что при создании Положения, вместе с заимствованием подходов из уголовного и уголовно-процессуального кодексов, было опущено многое положительное, что есть в принципах и в практике следственных органов и судов. Среди отвергнутого крайне важным видится право на защиту. Напомню, что древнерусская история знает такую практику. В деле Авраамия Смоленского на его защиту выступил не столько в качестве свидетеля, сколько в качестве защитника священник местной княжеской церкви Лазарь. При этом он обличил, не особенно стесняясь в выражениях, и архиерея, и заседавших с ним игуменов. Такая свобода действий защитника во многом объяснялась тем, что Лазарь не был подчинен епископу, а находился в канонической юрисдикции князя. Соответственно, появление в Церкви института защитников, которые не находились бы в канонической подчиненности местному правящему архиерею, видится делом крайне важным.

Не менее важно, что церковный суд не предполагает сатисфакции для того, кто претерпел незаконное обвинение. Вновь обращусь к известиям Жития Авраамия Смоленского. За несправедливость его обидчик, бывший епископом, принес сатисфакцию. Он пришел крестным ходом к Авраамию, просил прощения, назначил его на высокий пост с большими материальными ресурсами (во главе своего

епископского монастыря). То есть сатисфакция была принесена и моральная, и материальная. Второй пример — суд над еп. Лукой Жидятой. Совершивший несправедливый суд митрополит был удален с кафедры, а еп. Лука был торжественно провозглашен оправданным, и ему публично вернули символы власти и чести. Более того, ему было предоставлено право казнить своих обидчиков, что и было сделано...

Особой видится проблема отвода судьи. Поскольку фактически судьями выступают священники, а не местный архиерей, постановка такого вопроса закономерна и оправданна. Отвод в случае епархиального или даже митрополичьего суда может коснуться большинства священников. Это объясняется не только малочисленностью некоторых епархий. Священники связаны тесными родственными узами, представляют различные священнические «кланы», они учились в одной семинарии и находятся в дружеских связях или каком-то свойстве... Также сегодня в Церкви на уровне епархий так и не возникло конкуренции среди выпускников из разных образовательных центров. К сказанному добавляется и проблематика выборности церковных судей... Таким образом, с позиции современных норм и идеалов суда церковные судьи и их решения, мягко говоря, сомнительны, а их решения могут быть легко пересмотрены и отвергнуты.

Соответственно, как бы резко это ни прозвучало, но неизбежно возникает вопрос о замене церковных судов духовническими практиками.

Ю. В. Оспенников: Вы обратили внимание на важный вопрос о фигуре церковного судьи — кто он, откуда он берется, каким критериям церковный судья должен соответствовать; также важна выборность судей. Что касается состязательности как основной темы нашего круглого стола. Отмечу прозвучавшее в выступлении Павла Ивановича право на защиту как важнейший элемент состязательности. Я такой элемент отдельно не выделяю, и возникает вопрос: насколько допустимо это выделять? Возможно, право на защиту необходимо современному церковному суду, чтобы обеспечить полноценное равенство сторон. Но отсюда возникает другой вопрос — а откуда будут братья эти защитники? Ведь они должны быть квалифицированными и в каноническом праве, и в богословии, и в юриспруденции...

Д. В. Волужков: Хотелось бы напомнить, что когда мы употребляем термин «церковный суд», не следует забывать о многоступенчатой судебной системе Русской Православной Церкви. В частности, первая инстанция — епархиальный суд — состоит как бы из двух частей: епархиального архиерея и непосредственно суда. Поэтому мы, говоря о тех или иных вопросах церковного судопроизводства, должны уточнять, к какому именно «этажу» церковного суда это относится. Еще относительно скорости работы церковных судов. Здесь присутствует Андрей Александрович Тарнакин, который хорошо знаком с работой церковного суда Пятигорской и Черкесской епархии...

А. А. Тарнакин: Скорость работы суда зависит от специфики дела. Если рассматривается дело, получившее общественный резонанс, владыка Феофилакт собирает суд, и он может буквально за несколько часов рассмотреть дело. В то же время в делах в отношении клириков владыка, как правило, просит суд не спешить и рассматривать дело неторопливо и вдумчиво. Что же касается дел о признании брака утратившим каноническую силу и дел об отпевании самоубийц, то они обычно рассматриваются по мере накопления.

Д. В. Волужков: Также по поводу обвинительного характера церковного суда. Даже на примере конкретного суда мы видим, что это не совсем так. Будь суд Пятигорской епархии чисто обвинительным, там все решалось бы быстрее и проще. Поэтому я бы не спешил с категорической оценкой. Также относительно поднятой Павлом Ивановичем проблемы отвода судей и связанной с ней проблемы небольших епархий. Напомню, что согласно Проекту по преобразованию духовного суда [О работах

по преобразованию, 1873], представленному комиссией митр. Макария (Булгакова) в 1873 г., первой инстанцией суда, работавшей именно по правилам судопроизводства, был суд митрополий. Так что проблема осознавалась и в то время.

П. И. Гайденок: Я имел в виду прежде всего епархиальный суд. Но, с другой стороны, даже в митрополии сколько наберется священников, чтобы сделать возможным отвод судьи?..

Д. В. Волужков: Также относительно затронутой Вами проблемы взаимоотношения между церковным и светским правом. Здесь, как мне кажется, есть вопрос, достойный отдельного разговора. Согласно п. 2 ст. 14 Положения («Освобождение от доказывания»), «обстоятельства, установленные вступившими в законную силу приговорами (решениями) государственных судов, а также протоколами об административных правонарушениях, не подлежат проверке и доказыванию». Данная статья показывает, что церковное право со светским вполне взаимодействует: признает и даже не проверяет решения судов. Но в этом есть проблема. Мы знаем, сколько бывает случаев отмены решений и приговоров судов, также есть проблема незаконных либо несправедливых решений и т.д., и когда все это перемещается в церковную ограду, оно приобретает особое звучание, прежде всего с точки зрения справедливости.

Ю. В. Оспенников: Совершенно не согласен. Здесь нет взаимодействия. Просто церковный суд признает, что он существует в правовом поле, созданном государством. Никаких других вариантов здесь нет. Церковь не может не признавать эти решения, как бы она к ним ни относилась. Это не взаимодействие, а соподчинение.

Священник Владислав Баган: К сожалению, Положение — документ достаточно несовершенно. В нем все попеременно. Где-то мы экспертов привлекаем, не объясняя, как можно их отвести, где-то мы принимаем что-то государственное, где-то не принимаем... Однако если мы лишаем человека сана, то мы лишаем его работы, средств к существованию, а это Трудовой кодекс. Что касается темы нашего круглого стола. Полагаю, что в чистом виде состязательность едва ли когда-нибудь существовала. Даже в древности, в римском процессе, в качестве судьи приглашался некий авторитетный человек. В то же время в обвинительном процессе в даже, казалось бы, самые сложные времена для нашей страны суды нередко выносили оправдательные приговоры, в ходе процесса доказывалась вина подсудимого. Что же касается именно церковного судопроизводства, то принцип состязательности — это протестантство, где отсутствует иерархия. Принцип обвинительности, в чистом виде, — это Католическая Церковь. Наш метод, православный, располагается где-то посередине. То есть иерархия, сам акт хиротонии во епископа дает право быть судьей. Право судить принадлежит сугубо архиереям. Однако и признаки демократии в православии присутствуют. Это прежде всего делегирование судебной власти архиерею суду, когда дело требует исследования. В то же время копирование светского законодательства в церковном, на мой взгляд, не работает.

А. А. Хохлов: Здесь есть серьезная проблема. Мне довелось как-то общаться с судьей светского суда относительно апелляции и кассации. И я услышал, что существует негласное правило, суть которого в том, что судьи воспринимают себя некоей корпоративной группой, внутри которой не ставятся под вопрос решения нижестоящих судебных инстанций. Если мы это экстраполируем на церковную сферу, то, как уже отметил Павел Иванович, проблемы суда решаются в рамках некоей социальной группы, очень прочно связанной внутри себя. И на сегодняшний день я каких-то рациональных выходов из данной ситуации не вижу. Мы упираемся в традицию, которая является довлеющей. Я полностью согласен с Юрием Владимировичем

в том, что без изменения общественных отношений любые изменения формы не дадут никакого ощутимого результата. Также нельзя забывать о культурно-социальных традициях, которые имеют место. Например, в синодальный период церковный суд, хотя и был предусмотрен Уставом духовных консисторий, но де факто не существовал. Суд ограничивался следствием по определенному регламенту. Из этой же области произрастает и проблема защиты... Как мы видим, в данной области за какую проблему ни потяни, она тянет за собой целый ворох других проблем. Повторюсь, с моей точки зрения, недооценка социокультурного фактора приводит к тому, что можно подобрать замечательные формулировки, можно четко определить категории и пр., но они не будут работать.

Ю. В. Оспенников: Обращу внимание на известное противоречие, которое сейчас проявилось. С одной стороны, о Владиславом было очень интересно показано, что принцип иерархии, существующий в Русской Православной Церкви, неизбежно влечет за собой обвинительный характер церковного суда. С другой стороны, Александр Анатольевич очень верно обратил внимание на то, что это тупик: при сегодняшнем состоянии общества эта ситуация выглядит крайне неэффективной для интересов этого общества, для большинства интересантов, заинтересованных в эффективности церковного суда. Решения, выносимые таким судом, во-первых, слабо проверяемы, во-вторых, не имеют достаточного авторитета в том смысле, что нет уверенности в справедливости принятого решения. Это противоречие можно зафиксировать как некий промежуточный этап. Также не соглашусь с тем, что делегирование полномочий — это элемент демократии. Это один из способов формирования состава, но это явно не демократия.

И. А. Шершнева-Цитульская: Относительно терминологии. Мне не совсем понятно, почему выделяются «принцип состязательности» и «принцип обвинительности». Ведь в представленных тезисах речь идет о форме процесса. Зачем имеющуюся и давно известную юристам категорию «форма процесса» заменять «принципом процесса», когда есть «состязательная форма процесса» и есть «обвинительная форма процесса»? Перечисленные в тезисах принципы соответствуют состязательной форме процесса и, соответственно, обвинительной форме процесса. Далее. Мы все помним, что рассуждения о введении состязательности в церковный процесс появились в эпоху александровских реформ. Давайте задумаемся, почему реформа духовного суда тогда не удалась? Были ли у этого субъективные причины либо все-таки объективные? По моему мнению, объективными причинами были те, о которых только что говорили коллеги. Во-первых, возможность введения состязательного процесса как формы, скорее всего, опирается в каноны. Они по-своему архаичны и во многом состязательную форму процесса не приемлют. Процесс остается обвинительным с элементами, относящимися к состязательности. Во-вторых, состязательная форма процесса, как правило, эффективна тогда, когда последовательно проводится отделение суда от администрации. Этого мы не видим в Церкви, и, скорее всего, это невозможно из-за норм канонического права. В-третьих, когда мы говорим о состязательной форме процесса, то она отличается и в гражданском, и в уголовном процессе. Соответственно, и в церковном суде должны быть разные подходы к состязательной форме процесса.

Ю. В. Оспенников: Поясню, почему принципы, а не формы. Вы сами только что сказали, что очень трудно выделить отдельно состязательную и обвинительную формы. Неслучайно само это деление появляется относительно поздно и на определенном этапе. Если же подходить с научной точки зрения, то правильнее говорить об основных идеях, которые лежат в основе, а это именно принципы.

И. А. Шершнева-Цитульская: Согласна, однако именно совокупность принципов судостройства и дает нам форму процесса. Я только лишь обратила внимание,

что есть уже некая устоявшаяся терминология, и стоит ли нам сейчас изобретать что-то новое либо лучше пользоваться уже сложившимся?

Ю. В. Оспенников: Речь о том, чтобы выделить элементы. Например, возьмем римский формулярный процесс. Это какая форма, состязательная или обвинительная? Там еще есть состязательность, но уже появляются элементы обвинительности. То есть это переходная форма. Поэтому я предлагаю говорить об элементах принципов. Форму нельзя разложить на элементы. Форма — это всегда нечто застывшее.

И. А. Шершнева-Цитульская: Не соглашусь с Вами. Почему форму нельзя разложить на элементы? Форма — это система, а любая система состоит из элементов.

Ю. В. Оспенников: Вы можете обобщить свой взгляд на этот вопрос и выделить элементы состязательной и обвинительной форм?

И. А. Шершнева-Цитульская: Это у Вас уже сделано. Только в теории права они называются принципами, а Вы их называете элементами. Насколько эти принципы сочетаются, настолько говорится о преобладании той или иной формы процесса.

А. А. Хохлов: Я в целом согласен с Ириной Александровной в том, что нужно пользоваться уже имеющимся опытом, а не пытаться изобретать новое. Также не будем забывать, что в уголовном процессе есть презумпция невиновности, в гражданском — презумпция виновности, причем в гражданском процессе состязательность соседствует с презумпцией виновности...

Ю. В. Оспенников: Декларируемая состязательность. Дело в том, что на практике это большой вопрос, насколько у нас состязательный гражданский процесс. Я общался с целым рядом процессуалистов, и большинство из них признали, что современный гражданский процесс носит обвинительный характер.

Священник Владислав Баган: Есть постановление Синода от 27 июля 2011 г. [Журнал № 86; Перечень церковных правонарушений] о категориях дел, которые рассматриваются церковным судом. В нем перечисляются шесть категорий дел о церковных правонарушениях. Таким образом, мы доказываем вину, а значит, обвинительный характер налицо.

Д. В. Волужков: Да, речь идет только о церковных правонарушениях. Если мы доказываем вину, значит, мы проводим аналогию с уголовным процессом, и тогда должна быть сторона обвинения и сторона защиты. Значит, мы говорим о том, о чем сегодня уже упоминалось — об институте защиты. Возможна ли она в церковном суде, и если возможна, то как она будет выглядеть и работать?

А. Ю. Митрофанов: Напомню, что я ранее в переписке уже высказал свое несогласие с некоторыми тезисами Юрия Владимировича. Сейчас же мне хотелось бы вернуться к роли архиерея в церковном суде. Во-первых, византийское церковное право предполагало принцип состязательности сторон, о чем свидетельствуют акты III Константинопольского Собора 680–681 гг., а также ряд иных сохранившихся соборных актов. Проблема в том, что в нашем распоряжении нет сохранившихся протоколов светских гражданских судов Римской империи. При этом церковная судебная процедура на Соборах целиком воспроизводила процедуру гражданского судопроизводства. Во-вторых, принцип состязательности византийского церковного права проистекал из традиций и институтов римского права. Система преторского эдикта, разработанная еще в позднюю республиканскую эпоху и получившая более развитые формы в эпоху принципата, предполагала принцип

состязательности в качестве неотъемлемой части судебного процесса. В-третьих, император Константин Великий в IV в., по сути, превратил епископов в чиновников высшего ранга, уполномоченных императора по ряду вопросов. Тогда же, в IV в., был учрежден институт, известный как *episcopalis audentia*, т.е. право епископа в определенных случаях в рамках городской общины, муниципии или полиса разбирать гражданские и уголовные дела. Следовательно, изначально в позднеримский период именно архиерей и был вершителем церковного суда. Я не говорю сейчас о канолах; согласно канонам, именно архиерей является единственным судьей в Церкви. Поэтому я хотел бы подчеркнуть, что проблема выборности церковных судей, которая тесно связана с состязательностью — поскольку выборность судей определяет беспристрастность процесса, — связана с таким важным вопросом для всей Церкви, как выборность архиереев. Как известно, по римскому праву архиереи выбирались. Император Юстиниан в 123-й и 137-й Новеллах подробно описал процедуру их избрания. Архиереи позднее выбирались в Византийской империи несколько иначе — на постоянно действующих синодах при патриархе, где главная роль принадлежала императору. В условиях отсутствия императорской власти как быть с выборностью архиереев? Если мы ответим на этот вопрос, мы придем к ответу и на вопрос, как можно организовать избрание церковных судей, ибо архиерей и есть судья. Мне кажется, здесь нам никуда не уйти от тесной связи суда и церковного администрирования в рамках церковного канонического организма просто потому, что такова природа канонического права.

Ю. В. Оспенников: Я не припоминаю в римском праве точного определения состязательности. По-моему, его там нет.

А. Ю. Митрофанов: Нет, его и не было.

Ю. В. Оспенников: То есть Вы сейчас, по сути, выводите состязательность из преторских эдиктов?..

А. Ю. Митрофанов: Да, совершенно верно. Из эдиктов, которые предполагали прения сторон при обсуждении того или иного дела. В принципе, можно говорить о том, что уже на стадии развития преторского эдикта римское право было достаточно внутренне противоречивым, что и привело уже в позднеримское время к преобладанию именно обвинительного начала.

Ю. В. Оспенников: На мой взгляд, уже в эдиктах начинается тенденция ограничения состязательности. У меня вопрос к Вам. На основе знакомства с византийским церковным процессом Вы можете попробовать дать определение состязательности, как его видели византийские юристы (или практики)?

А. Ю. Митрофанов: Несомненно, все, что связано с византийским правом, имеет большее отношение к нашей сегодняшней теме, нежели право языческого Рима. Полагаю, что в ранневизантийскую эпоху, до конца VII в., византийская судебная процедура полностью воспроизводила позднеримскую. Здесь каких-то принципиально новых элементов не было. Впоследствии, в эпоху Македонского возрождения, мы можем говорить о том, что такие юристы, как Иоанн Зонара, пытались, комментируя каноны и императорские законы из Василика, подчеркивать важное значение прения сторон. Правда, в этом случае вердикт все равно оставался за судьей, а светский судья в Византии был уполномоченным представителем императора. Император же выносил свои верховные решения хрисовулами по общеимперским или общецерковным вопросам. Таким образом, в Византии продолжала функционировать позднеримская система, при которой судебный процесс имел по преимуществу обвинительный характер. Это влияло и на церковный процесс.

П. И. Гайденко: Я согласен, что когда мы сегодня интерпретируем каноническое право, то слишком вольно соотносим реалии и канонические нормы того времени с современностью. Все же императорская власть — это не президентская, епархия как область — это не губерния, синклит — это не современный сенат или государственное собрание. Поэтому применение канонических норм в современных условиях требует крайне серьезного богословского и канонического обоснования.

А. Ю. Митрофанов: Полностью с Вами согласен. Мне кажется, здесь уместно вернуться к постановлениям Поместного Собора 1917–18 гг., к тому, как его участники пытались разрешить проблемы церковного суда одновременно с выборностью архиереев. На этом документальном фундаменте мы могли бы двигаться вперед.

Т. А. Долгополова: Полагаю, нам нужно определиться: мы рассматриваем термины и понятия с точки зрения уголовного наказания или с точки зрения достижения истины? Достижение истины в светском процессе — это основа. В церковном судопроизводстве достижение истины, вероятно, тоже предполагается. По тем делам, которые подлежат рассмотрению церковным судом, также есть вопросы, касающиеся *как бы* уголовного и *как бы* гражданского судопроизводства. Может быть, по отдельной категории дел рассматривать аспект состязательности, т.е. те дела, которые похожи на светские уголовные — один принцип, право на защиту, право на презумпцию невиновности... Дела, которые похожи на светские гражданские, — там принцип презумпции вины, истец и ответчик. Обращу внимание, что в тезисах Юрия Владимировича меня несколько удивило заявление, что в церковном процессе только «истец — истец». Это невозможно. И в римском процессе, и в последующем процессе либо государство-обвинитель и обвиняемый, либо истец и ответчик. Все равно существуют две стороны. Состязательность может быть только в этих категориях. Можно также привести пример английского судопроизводства, где есть перекрестный допрос, и там положение судьи — над схваткой, а в самой схватке участвуют адвокаты обеих сторон. Судья же только слушает и направляет процесс. В нашем традиционном российском процессе судья более активен. Вопрос, как соотнести положение судьи в уголовном или гражданском процессе с положением архиерея, процессуально довольно сложен. Ведь, получается, все тяжущиеся — подчиненные архиерея-судьи. В светском суде такое невозможно, следует отвод судьи. В целом хотелось бы подчеркнуть, что церковный суд не может быть полностью похож на суд светский ни с точки зрения уголовного, ни с точки зрения гражданского права. Это особое судопроизводство. Но в нем должны быть отражены отдельные элементы, с учетом современного состояния Церкви, общества, СМИ, уровня образования населения, в т.ч. верующих, и т.д.

П. И. Гайденко: Позволю себе с Вами не согласиться. Церковный суд складывался в значительной степени с ориентацией на суды, которые формировались в гражданской сфере, например, в Византии. Они основывались на судах общины. Что касается епископов, то дело в том, что по канонам суд совершает не епископ, а шесть епископов, т.е. епископы всей области. В этом отношении тяжущиеся оказываются перед архиереями, которым они чаще всего не подчинены, у них есть лишь один архиерей, которому они подчинены. Тем самым решался вопрос доверия к суду. При чем архиереев можно было пригласить иных, если была такая возможность. Теперь о защите. Ее, в принципе, может осуществлять и архиерей. Вспомним, что с точки зрения византийских норм епископ мог выступать защитником своей области, своего населения. Почему бы не представить лицо или группу лиц, независимых от патриархии, выступающих с защитой?

Ю. В. Оспенников: По поводу сторон в процессе. «Псковская судная грамота» [Псковская судная грамота] показывает, что обе стороны — истцы, и это совершенно

не мешало в течение столетий функционировать судам. Это как раз та самая стадия, когда происходит переход к классовому обществу. Сейчас, да, это сложнее представить.

Н. А. Гарнакин: По поводу того, что нужно разделять дела, рассматриваемые в церковном суде (я имею в виду епархиальный суд), которые условно можно отнести как бы к уголовным и как бы к гражданским. Положение, как мы знаем, практически скопировано с Уголовно-процессуального кодекса, поэтому в него перешли элементы обвинительности. Но это было сделано, очевидно, несознательно, потому что это полностью соответствует духу существующих на сегодняшний день в Церкви социальных отношений и духу канонического права. Равенства в церковном суде, в каноническом праве, нет. Епископ выступает в качестве обвинителя, что обусловлено иерархичностью, что, в свою очередь, обусловлено Священным Писанием. Получается, что либо мы веруем в Священное Писание и признаем его, либо нет. Поэтому, возвращаясь к вопросу, почему создатели Положения забыли о «спорящих сторонах», полагаю, что они отделились ссылкой на то, что мы признаем решения светских судов. Таким образом, в «уголовных» делах в церковном суде обвинителем выступает, как правило, епископ, который видит нарушения церковного порядка. В этом случае сложно говорить, что суд будет происходить в форме состязательности. Если же говорить о рассмотрении «гражданских» дел, то в церковный суд могут прийти истец и ответчик. Например, в практике суда Пятигорской и Черкесской епархии был случай, когда в суд с иском обратился гражданин, у которого священник взял деньги в долг. И это дело рассматривалось практически по правилам светского суда, с некоторыми элементами состязательности. Либо, если дело уже рассмотрено светским судом, то церковный суд просто признает его решение. По поводу принципов публичности и гласности. В церковном суде в делах, напоминающих уголовные, это сложно представить, поскольку чаще всего это дела клириков, семейные дела, и это все негативно влияет на репутацию Церкви и конкретных клириков, и потому едва ли подобные дела будут рассматриваться публично. Также, как я уже писал в одной из своих статей, церковный суд по форме напоминает исповедь — клирик на суде стоит перед крестом и Евангелием, заседание открывается и завершается молитвой. С другой стороны, в делах клириков, напоминающих уголовные, введение некоего института защитников вполне возможно. Скорее всего, это можно реализовать в форме централизованной подготовки клириков в качестве защитников. Для этого в высших учебных заведениях Церкви должны быть специальные курсы. Подчеркну, что это должны быть *только клирики*, которые будут приносить присягу или клятву и которые будут выступать защитниками в епархиальных судах. То есть такой клирик, прибыв в епархию, перед началом заседания в присутствии епископа и судей приносит присягу — и далее участвует в процессе в качестве защитника.

П. И. Гайденок: Позволю себе повторить ранее высказанное — целью церковного суда не является отстаивание истины, а лишь защита существующего строя. А это принципиально сводит на нет любые другие вопросы. Состязательность может быть только там, где есть нейтральная позиция судьи, который разбирает, кто прав и кто неправ. В церковном суде есть обвиняемый, но нет цели в виде достижения истины — Божественной, канонической, литургической и т. д.

Ю. В. Оспенников: Николай Александрович, в Вашем примере про дело о заемных деньгах не видно изменения церковного суда. Суд был как обычно, и там никаким образом элементы не изменились; как он был обвинительный, так он и остался. Состязательность там не появилась...

Н. А. Гарнакин: Юрий Владимирович, не соглашусь с Вами. Конечно, приведенный мною случай — нехарактерный для церковного суда. Как правило, суды над клириками напоминают уголовный процесс: с подсудимым — клириком и обвинителем — епископом-судом. Данный же случай полностью от этого отличался:

перед судом стоял полноценный истец и такой же ответчик, между которыми был спор. Ни епископ, ни церковный суд никого не обвиняли. По моему мнению, это пример суда, напоминающий гражданский процесс, и, по крайней мере, элемент состязательности в виде сторон «истец — ответчик» налицо.

П. И. Гайденко: Давайте попробуем представить себе ситуацию, что реализуется имеющееся в канонах право священника выбирать себе судей-епископов. В реальности сразу встает вопрос, кто будет финансировать съезд таких судей? Вообще, полагаю, издержки светского судебного процесса — это один из тех факторов, который сдерживает принятие каких-либо решений. Как этот фактор мог бы работать в церковном суде — вопрос открытый...

И. А. Шершнева-Цитульская: Вернусь к вопросу о защите. Если вводить в церковный процесс защиту, то нужна и сторона обвинения. В светском суде, в делах публичного обвинения, это прокурор. Кто будет поддерживать обвинение в церковном суде? Епископ, который выступает в качестве суда?

С. Ф. Веремеев: В ответ на реплику Павла Ивановича относительно участия епископа в заседании суда хотел бы заметить, что современные технологии позволяют участие онлайн. Можно представить себе такое хотя бы в качестве эксперимента. Хотя вопрос, согласятся ли епископы?..

П. И. Гайденко: Канонические нормы предполагают непосредственное присутствие архиерея там, где совершается суд. Поэтому, по моему мнению, суд, на котором не присутствует архиерей, неканоничен.

С. Ф. Веремеев: Тогда мы вновь приходим к вопросу о действии или не-действии отдельных канонов...

П. И. Гайденко: С точки зрения церковного суда действуют все каноны, которые закреплены Трулльским Собором.

С. Ф. Веремеев: Также сегодня упоминалась справка, которая содержит каноническую оценку деяния. Вопрос, кто оценивает эту справку? Это вновь к разговору о том, что в наши дни одни каноны применяются, а другие фактически не применяются.

Д. В. Волужков: Сегодня многие выступающие говорили о выборности судей. Любопытно, что ст. 25 Положения предусматривает выборность судей, правда, несколько своеобразно. Согласно п. 2 статьи, «остальные судьи Епархиального суда избираются Епархиальным собранием по представлению епархиального архиерея». Увы, оговорка про «представление» сводит на нет выборность. Однако если представить, что эту оговорку из Положения убрали, то появляется надежда, что епархиальное собрание может выбрать судей. Таким образом, элемент выборности из принципа состязательности уже присутствует в действующем церковном «законодательстве», его только надо доработать.

П. И. Гайденко: Но тогда возникает вопрос об особых функциях епархиального собрания, с правом выбора, и расширение прав данного собрания. Епархиальное собрание — это, как правило, собрание клириков. Тогда в нем должны быть представители и миряне, т. е. те люди, которые могут выражать мнение народа Божьего.

Д. В. Волужков: Также сегодня неоднократно упоминалось, что в Положении смешаны элементы уголовного и гражданского процессов, с преобладанием уголовного. В таком случае возникает вопрос, почему создатели Положения не заложили в него

вещи принципиальные для уголовного процесса, прежде всего презумпцию невиновности? Уже давно выяснено, что в Положении нет четко сформулированной презумпции невиновности, равно как и презумпции виновности. Отсюда, на мой взгляд, для формулирования принципа состязательности не хватает еще одного элемента — распределения доказывания. Это не глава о доказательствах³, которая есть в Положении, а именно распределение обязанности доказывания. Для этого в процессуальном праве и существуют две презумпции, которые четко определяют обязанность доказывания. Из необходимости наличия в церковном суде презумпции невиновности, определяющей обязанность доказывания, следует необходимость наличия сторон обвинения и защиты. На сегодня сторона обвинения — де факто сам суд, пять священников, согласно Положению. И вот здесь я воспользуюсь идеей Николая Александровича: может быть, хотя бы в порядке эксперимента, сформировать отдельные институты церковных обвинителей и церковных защитников? В самом деле, готовя таких специалистов на базе одной из наших академий, давая им юридические, канонические, богословские знания, затем на судебных заседаниях приводя их к присяге, дать им возможность выступать стороной обвинения и стороной защиты. Сошлюсь на «Проект по преобразованию духовного суда» — этот проект предполагал введение должности духовного прокурора, который представляет сторону обвинения. Более того, этот проект предполагал защитника (п. 107, 113, 114). При этом подробно о фигуре защитника в проекте ничего не говорится, в отличие от прокурора, о котором сказано подробно (целая глава). Отсюда я делаю вывод, что авторы проекта считали, что понятие защитника само собой разумеющееся и нет нужды его специально описывать. Того, кто обвиняет в церковном суде, — да, его надо описать, кто он такой и какими знаниями обладает. А защитник, получается, может быть обычным адвокатом. Как мы знаем, данный проект не был принят, но он рассматривался, обсуждался. Однако в нем уже тогда предусматривалась и публичность судебных заседаний, и опубликование решений суда...

А. А. Хохлов: Дмитрий Владимирович, я правильно Вас понял, что по большому счету и придумывать-то ничего не надо? Что в позапрошлом столетии все уже было разработано и осталось только ввести это в практику?

Д. В. Волужков: Я бы сказал иначе. Дело не в том, что не надо придумывать, а в том, что мы должны учитывать опыт наших предшественников-ученых, прежде всего тех, кто трудился в стенах Духовной академии, кто занимался здесь этими вопросами. Мы помним, что Т. В. Барсов входил в комитет. В своей статье, упоминая о ключевых моментах для реформы духовного суда, Барсов уже упоминал и публичность, и гласность, и защиту (подр.: см.: [Волужков, 2019]). Мы должны, учитывая опыт наших предшественников, основываться на нем и двигаться дальше. То есть мы продолжаем традицию.

А. А. Хохлов: Влияние судебной реформы 1864 г. здесь тоже несомненно?

Д. В. Волужков: Безусловно. Но тот же Барсов подчеркивал, что нельзя что-либо механически брать и переносить из светского суда в духовный, надо учитывать специфику и богословские моменты. Понятно, что это легко сказать, но трудно сделать. Как их учитывать? Как учитывать то, о чем сегодня много говорил Павел Иванович — моменты канонические? Было сказано, что действуют все каноны, однако современные работы по церковному праву показывают проблемы применения разных канонов...

А. А. Хохлов: Проект 1873 г. был отвергнут в силу того, что общественное сознание было не готово к принятию столь радикальных изменений? Я имею в виду прежде всего церковное сознание.

³ Ст. 13–21 Положения.

Д. В. Волужков: А вот это существенная оговорка — общественное или церковное... Проект был отправлен епархиальным архиереям и получил от них отрицательные отзывы. В 1893 г. в «Христианском чтении» Барсов систематизировал причины, по которым епархиальные архиереи отвергли проект [Барсов, 1893]. Разумеется, первое основание — это отделение суда от администрации. Все архиереи восприняли это так, что их лишают судебной власти.

П. И. Гайдено: Чтобы решить проблему отделения духовного суда от администрации, в те времена нужно было воспользоваться прецедентом императора Константина, т. е. решить вопрос волей императора. То есть это вопрос церковного сознания, которое не приняло реформу. Оно, церковное сознание, очень сложное. Мы говорим о разных группах внутри Церкви и, одновременно, о неких трендах, которые существуют вопреки очевидному.

Д. В. Волужков: Напоминаю, что по итогам нашего круглого стола мы собирались сделать выводы и зафиксировать их. Предлагаю обсудить один из предварительных выводов. У нас прозвучало вполне обоснованное предложение, что система церковных судов вообще может быть отменена как институт и заменена другим институтом (например, духовнической практикой). При всей радикальности такого предложения стоит его зафиксировать в нашем решении и дальнейшей публикации как вопрос для дальнейшего обсуждения, насколько это возможно. Поскольку у нас научное собрание, полагаю, мы имеем право на подобный мысленный эксперимент. То есть, предположим, институт церковного суда отменяется так же, как и был принят, — Архиерейским Собором, и заменяется неким другим институтом. Полагаю, с точки зрения мысленного эксперимента это было бы интересно.

Ю. В. Оспенников: Если мы идем по этому пути, т. е. предлагаем отменить церковный суд и заменить его духовнической практикой, то не усугубит ли это проблему, в том смысле что мы получим еще более закрытую от церковного сообщества систему разрешения разных спорных и сложных вопросов, в том числе связанных с моральным состоянием, поведением духовных лиц? Наверное, это сможет сгладить репутационные риски за счет меньшей утечки информации, но это не снимет самую острую проблему.

П. И. Гайдено: Мне кажется, что в современном обществе скрыть проблемы духовных лиц невозможно. Более того, современное общество выявляет все наши недостатки. Когда сама церковная система выносит это на всеобщий позор — в том числе перед глазами неверующих людей, для которых несомненный соблазн видеть, как, например, священника лишают сана, — включаются механизмы, включается масса других элементов... Нужно определиться. Не то чтобы отказаться от церковного суда в принципе, это слишком серьезная мера...

А. А. Хохлов: Согласен с Павлом Ивановичем — мы чаще всего не учитываем исторический контекст и фактор среды. Мы живем в информационном обществе, и это необходимо учитывать. Нельзя оставлять все это за скобками и рассматривать проблему саму по себе. Практика показывает, что мнение общества по ряду вопросов является определяющим.

А. Ю. Митрофанов: Повторюсь, что в качестве одной из итоговых идей можно было бы указать, что проблема выборности церковных судей неразрывно связана с такой церковно-канонической проблемой, как выборность архиереев. При этом мы могли бы вспомнить деяния Поместного Собора 1917–18 гг., который определил порядок избрания архиереев. Соответственно, если архиерей будет избираться

церковным народом, то автоматически его авторитет как церковного судьи будет гораздо выше, чем в условиях нынешней закрытой системы.

П. И. Гайденко: Хочу напомнить слова Андрея Юрьевича: мы забываем, что церковный суд — это суд, который совершается в вечности. Поэтому нужно вернуться к Евангелию, вернуться к богословской части, к той части, которая делает нас христианами.

Священник Владислав Баган: Все-таки церковный суд должен богословски помогать архиерею принимать правильное решение — апостольское решение, решение любви. Вот его основная задача. Архиерей в силу своей занятости, еще каких-то причин может ошибаться. Суд же должен все взвесить и представить на рассмотрение архиерею. Еще хотелось бы отметить, что церковный суд не может быть в каждой епархии. Должны быть суды каких-то крупных округов, и судьи таких судов должны быть высококлассными специалистами. Обязательно должна быть защита. Что касается идеи об отмене системы церковных судов, то я не соглашусь. Суды должны быть, но они должны быть другого свойства.

И. А. Шершнева-Цитульская: По моему мнению, церковный суд нужен. Когда у нас разгорелась дискуссия, то Павел Иванович больше говорил о том, каковы должны быть источники, на которых базируется судебный процесс. Если убрать суд, это значит убрать саму судебную процедуру. Лучшего пока человечество не придумало для того, чтобы устанавливать некую объективную истину. Духовническая практика хороша, но это все же разные вещи. Если же заменять духовный суд чем-то иным, то это дело самой Церкви. Обсуждать в научном сообществе это, конечно, возможно. На мой взгляд суд — это замечательная демократическая процедура, и отказываться от нее — не самая лучшая идея.

П. И. Гайденко: Хотел бы пояснить. Вопрос об отмене системы церковных судов ни в коем случае не стоит. Просто есть моменты, в которых нужно вовремя остановиться, взять паузу. Нужен мораторий, чтобы произвести перезагрузку. И еще. Мы церковное общество, и потому хотелось бы, чтобы Барсовское общество рассматривалось не в качестве некоего демократического собрания людей, рассуждающих о Церкви, а в качестве собрания людей Церкви, которые рассуждают о Церкви. Барсовское общество — это церковное общество.

Д. В. Волужков: Само фундаментальное понятие церковного суда никуда не девается. Церковный суд — это епископ, и это незыблемо. А помогающую епископу в осуществлении судебной власти структуру / институт вполне можно реформировать, упразднить, изменить и т. д. Таким образом, мы рассматриваем чисто научную проблему.

П. И. Гайденко: Добавлю, что духовническая практика — это совершение частного суда. Архиерей во время духовнической практики решает, нужно ли наказать клирика, и получается некая епитимия в широком смысле. То есть суд продолжает жить своей жизнью.

А. А. Хохлов: В таком случае суд как явление прекращает свое существование, но следствие никуда не девается. Процедуры следствия, выяснения обстоятельств многообразны, например, это может быть донос... Все это в целом — возврат к синодальной практике, где суда как такового не существовало и все сводилось к следственным мероприятиям и принятию решения на их основании.

П. И. Гайденко: Поясню свою мысль о моратории. Замена суда духовнической практикой не самоцель, а время перевести дух, осмыслить ситуацию, провести

социологические исследования, провести работу над ошибками и принять решения. В течение нескольких лет подготовить специалистов, продумать структуру будущего суда и т. д. То есть это безусловно временная мера.

Д. В. Волужков: Поскольку наш круглый стол близок к завершению, позволю себе предложить несколько дополнений к тезисам Юрия Владимировича. По моему мнению, церковный суд может иметь смешанный характер. В большей части он будет оставаться обвинительным, напоминая уголовный процесс, но при этом в нем возможны и необходимы элементы состязательности. Вместо предложенных двух истцов должны быть обвинитель и защитник. Как уже говорилось, наши предшественники в своем проекте прекрасно описали фигуру духовного прокурора, нам же необходимо осмыслить фигуру защитника. Далее. Выборность судьи согражданами — вполне реально. Гласность и публичность — вопросы дискуссионные, т. к. сейчас доминирует мнение о суде как исповеди. Однако, полагаю, компромисс здесь возможен. Еще я бы добавил к элементам, сформулированным Юрием Владимировичем, распределение обязанности доказывания. Должна быть четко сформулирована презумпция невиновности. Все это должно быть предельно четко и ясно прописано в Положении.

А. Ю. Митрофанов: Хотелось бы добавить, что в позднеримском праве существовал институт дефенсоров, которые назначались специально для защиты церковных интересов в светских судах. Быть может, теоретически было бы уместно возродить такой институт для защиты обвиняемых уже в епископских судах (а современный церковный суд де факто является епископским). Полагаю, это был бы важный шаг к введению состязательности в церковном судопроизводстве.

Ю. В. Оспенников: Дорогие коллеги, позвольте подвести итоги нашего круглого стола. Прежде всего хочу отметить, что мы сегодня достигли интересных результатов. Мне видятся две основные группы итогов: «что удалось» и «что не удалось».

«Что удалось». Показана, говоря о выборности судей церковного суда, целесообразность связи этого элемента с выборностью архиереев. Высказана идея рассматривать право на защиту важнейшим элементом состязательности. В связи с этим возник вопрос о необходимости в церковном суде стороны обвинения. Для решения вопроса об образовательном статусе защитников и обвинителей, а также об их канонической независимости от конкретного правящего архиерея высказана идея готовить указанных лиц — с оговоркой, что это могут быть только священнослужители, которые перед началом судебного заседания должны принести присягу — на специальных курсах на базе духовных учебных заведений. Корпус профессиональных судебных обвинителей и защитников, по мнению участников дискуссии, видится единым для судебной системы Русской Православной Церкви. Высказана идея о нецелесообразности наличия судов во всех епархиях, при том, что имеет смысл говорить о судах крупных церковных субъектов, например митрополий. Также высказано обоснованное мнение, что священники могут быть членами церковного суда только в качестве советников, но не в качестве судей.

«Что не удалось». Не было выдвинуто альтернативных трактовок определений принципов состязательности и обвинительности. При этом некоторые коллеги придерживаются позиции, что предложенное в тезисах понимание искажает устоявшуюся модель состязательной и обвинительной форм процесса, какой модели, на их взгляд, вполне достаточно. Интересно, что в большинстве случаев участники дискуссии использовали терминологические конструкции «состязательность» и «обвинительность» без конкретизации содержания. Не нашло развития в ходе дискуссии и предложение расширить подход к пониманию принципов состязательности и обвинительности на основе указанных в тезисах существенных признаков. Не было развито диалектическое понимание элементов, которые в результате снятия неизбежно должны измениться.

Помимо этих двух больших групп итогов хотелось бы также обратить внимание на поднятую Павлом Ивановичем Гайденом проблему сатисфакции, а также на проблему определения функции церковного суда в церковном праве, имея в виду защиту существующего т. н. церковного строя.

Также отмечу, что в вопросе о характере современного церковного суда большинство участников согласилось с тем, что принцип иерархии, существующий в Русской Православной Церкви, неизбежно влечет за собой обвинительный характер судебного процесса, что делает его крайне неэффективным для большинства заинтересованных в эффективности судопроизводства. Решения, выносимые таким судом, 1) слабо проверяемы, 2) не имеют достаточного авторитета в том смысле, что нет уверенности в их справедливости.

Помимо этого, некоторые участники круглого стола указывали на объективные препятствия для состязательного характера церковного суда: 1) Канонический корпус архаичен и не систематизирован в современном правовом понимании; 2) суд не отделен от администрации.

Итак, наши итоги не вполне такие, какие изначально предполагались, но, думаю, подготовив материалы к публикации, систематизировав и дополнив сегодняшние сообщения, мы получим очередную ступеньку, от которой сможем отталкиваться, идя дальше. Благодарю всех за участие!

Источники и литература

1. Барсов (1893) — *Барсов Т. В.* Проекты улучшения в нашем церковном управлении: мнения епархиальных архиереев о проекте преобразования духовного суда // *Христианское чтение.* 1893. № 5–6. С. 478–517. URL: <https://scientific-journals-spbda.ru/f/1893-0506-03.pdf> (дата обращения: 01.08.2023).

2. Волужков (2019) — *Волужков Д. В.* Профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии Т. В. Барсов о реформе духовного суда Русской Церкви (на материале статей в журнале «Христианское чтение» 1870–73 гг.) // *Христианское чтение.* 2019. № 1. С. 119–130.

3. Долгополова (2022) — *Долгополова Т. А.* К вопросу о возможности применения принципа состязательности в практике современного церковного суда Русской Православной Церкви // *Христианское чтение.* 2022. № 3. С. 213–220.

4. Журнал № 86 — Журналы заседания Священного Синода от 27 июля 2011 года. Журнал № 86. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1586149.html> (дата обращения: 01.08.2023).

5. О работах по преобразованию (1873) — О работах по преобразованию духовно-судебной части: Проект основных положений преобразования духовно-судебной части // *Христианское чтение.* 1873. № 8. С. 618–651. URL: <https://scientific-journals-spbda.ru/f/1873-08-02.pdf> (дата обращения: 01.08.2023).

6. Перечень церковных правонарушений — Перечень церковных правонарушений, подлежащих рассмотрению церковными судами, от 27 июля 2011 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1586931.html> (дата обращения: 01.08.2023).

7. Положение о церковном суде — Положение о церковном суде Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5082532.html> (дата обращения: 20.05.2023).

8. Полянский (2018) — *Полянский П. Л.* Принцип формального равенства в историко-правовом контексте // *Границы прав и свобод личности с точки зрения либертарно-правовой теории* (к 80-летию академика РАН В. С. Нерсисянца): Сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 1–2 июня 2018 г.). Воронеж, 2018. С. 58–61.

9. Принципы права и церковный суд: проблемные поля (2022) — Круглый стол «Принципы права и церковный суд: проблемные поля» // Сайт Издательства СПбДА. URL: <https://izdat-spbda.ru/barsovskoe-obshchestvo/post/kruglyj-stol-principy-prava-i-cerkovnyj-sud-problemnyye-polya> (дата обращения: 20.05.2023).

10. Псковская судная грамота — Псковская судная грамота. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Псковская_судная_грамота (дата обращения: 01.08.2023).
11. Тарнакин А. (2021) — *Тарнакин А. А.* Есть ли в деятельности современного церковного суда Русской Православной Церкви канцелярская тайна? [Доклад на V Барсовских чтениях. 13–14 декабря 2021 года, СПбДА. Готовится к печати на сайте Барсовского общества (<https://izdat-spbda.ru/barsovskoe-obshchestvo>).]
12. Тарнакин Н. (2019) — *Тарнакин Н. А.* Церковный суд и суд светский: общее и различное в принципах // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2019. № 1 (3). С. 159–166.